

чинающиеся с социальной перцепции, процессы самопознания, которые запускают саморегуляцию – важную составляющую процесса эмоциональной адаптации, – процессы обнаружения несоответствия требованиям среды, с которых, собственно, и начинается школьная адаптация, – все это требует активной и напряженной интеллектуальной деятельности. Как видно из показанной нами выше специфики первого типа структурной организации, данные процессы протекают в большей степени стихийно, ошибки взаимодействия учащимися учитываются плохо или совсем не учитываются, процесс обнаружения и решения проблемных ситуаций взаимодействия со средой протекает неэффективно. В итоге у школьника слабо развивается интеллектуальная сфера личности,

а требования со стороны взрослых эффективности социально-психологического взаимодействия и эмоционального благополучия (фактически беспроблемности) еще больше обостряют проблемность этих ситуаций.

Социально-психологическая и эмоциональная адаптация учеников к школе усложняется в условиях, когда все виды адаптационных процессов взаимоопределяют друг друга. В этом случае учащиеся любого возраста переживают позиционный, диспозиционный и эмоциональный дискомфорт, что связано с состоянием напряжения при переработке большего количества информации и учета при принятии решения сложных структур взаимосвязи интеллектуальных, социально-психологических и эмоциональных явлений.

Примечания

¹ Григорьева М.В. Школьная адаптация: механизмы и факторы в разных условиях обучения. Саратов, 2008.

² См.: Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб., 2000; Пиаже Ж. Избранные психологические произведения. М., 1969; Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2002.

УДК 159.942:7.01

Е.В. РЯГУЗОВА

Саратовский государственный университет

E-mail: rjaguzova@yandex.ru

Рефлексивная позиция «Мы» как результат интеракции «Я» и «Другого»

В статье представлены результаты анализа и эмпирического исследования рефлексивной позиции «Мы» в рамках семейных и дружеских отношений. Утверждается, что «Мы» конструируется в зоне пересечения личных (ценностных, смысловых) пространств, имеет эмоциональные, когнитивные и регулятивные компоненты и определяется самостью, являющейся результатом постижения себя и Другого.

Ключевые слова: рефлексивная позиция, семья, семейная идентичность, дружба, личностная идентичность, постижение Другого.

E.V. RIAGUZOVA

Reflection Position «We» as Result of Interaction «I» and «Other»

The paper presents the results of the analysis and empirical investigations of reflection position «We» in the families and friendships connections. The paper alleges that «We» is constructs in the field of transition persons, values and meanings spaces, it has emotions, cognitions and regular components and it is identifies myself as results comprehension of the Other.

Key words: reflection position, family, families identity, friendship, personal identity, comprehension of the Other.

В контексте социально-психологического дискурса «Другой» выступает в двух различных, но, на наш взгляд, взаимосвязанных и комплементарных аспектах: первый аспект рассмотрения «Другого» связан с понятием

«абсолютный Другой», т.е. внешний по отношению к субъекту, пространственно отделенный другой человек, интеракция с которым является фактором и условием развития Я; второй аспект отсылает нас к «обобщенно-

му Другому», т.е. «Другому внутри меня», который выступает как компонент образа Я и/или «не-Я». Аналитическая оптика рефлексии «Другого» в данном случае фокусируется на целостности этого образа и невозможности существования одного без другого.

Социальный мир, помимо значимых других, включает в себя большое количество людей, объединенных понятием «Они». Мы предлагаем это множество условно разделить на группы, отмечая при этом потенциальную и реальную возможность перемещения и транзации акторов из одной выделенной группы в другую:

– группа «Мы» образована близкими, по-нятными, интересными и значимыми для конкретного субъекта людьми, объединенными определенными социальными связями и/или разделяющими сходные интересы и установки. При этом не вызывает сомнения тот факт, что внутри этой ингруппы также существует дифференциация по разным классификационным основаниям – пол, возраст, психометрический статус, уровень симпатии, аттракции и т.п.;

– группа «Вы», «Иные» включает людей, вызывающих интерес и уважение, но при этом разделяющих иные взгляды, мнения, установки. В этом формате взаимодействие с «Другим» является результатом диалога, процесса достижения понимания и согласия, который основывается на поэтапном согласовании ценностных, смысловых, поведенческих и коммуникативных программ партнеров;

– группа «Чужие», актуализирующая у субъекта опасения, страхи или, наоборот, агрессивные аттитюды и враждебные установки, связана с наличием ценностных ограничений и смысловых преград, очерчиванием демаркационных линий, выстраиванием защитных фронтов;

– группа «Недифференцированные они – другие» состоит из незнакомых, неперсонифицируемых, обезличенных людей, интеракции с которыми, может быть, и происходят на ритуальном или манипулятивном уровне межличностного общения, но не оставляют заметного следа в интрапсихическом мире, т.е. другие из этой группы психологически не существуют для Я и не интересуют его, именно поэтому мы номинировали эту группу как «другие» со строчной буквы.

Приведенная типология, не претендующа на содержательную полноту, показывает,

что человек, «со-бытийствуя с Абсолютным Другим»¹, дифференцирует и категоризирует его на основе различных критериев – социальных, социокультурных, психологических, которые у него сформировались и/или которые им интернализованы.

Целью данной работы является рефлексия субъективных представлений о пространстве «Мы», презентированном в нашем исследовании семейными и дружескими интеракциями.

Для реализации указанной цели решались две эмпирические задачи:

– изучение семейной идентичности через анализ субъективных представлений о семье и презентации семейных ценностей;

– анализ особенностей социальной перцепции Друга как варианта себя и Другого.

Решая первую, мы исходили из того, что семья олицетворяет собой значимый источник эмоциональной опоры для ее членов, именно она обеспечивает человеку фундамент для формирования идентичности, устойчивых оснований социальной жизни².

В связи с этим можно говорить о семейной идентичности (термин введен Н. Аккерманом), которая отражает сознательное или бессознательное отождествление себя с родом, освоение и присвоение ценностей и смыслов определенной семейной системы, результат самокатегоризации в рамках той или иной семейной группы. При этом под семейной идентичностью мы понимаем не только принятие ценностей, норм и идентификацию себя с конкретной семьей, в которой происходит первичная социализация, но и осознание трансгенерационных связей, «трансгенерационной контекстуальной психогенеалогии», о которой пишет А.А. Шутценбергер³. Следовательно, семейная идентичность, в структуре которой мы предлагаем выделять горизонтальную и вертикальную составляющие, является той изначальной социальной матрицей, которая устанавливает знаковую систему координат для человека, одновременно защищая его от иного, чужого, инакового и ограничивая своим, самобытным, родным. Семья становится условием производства и концептуализации идентичности, которая, в свою очередь, является результатом напряженной рефлексивной работы постижения себя и Другого.

Для решения первой задачи использовался следующий диагностический инструментарий: рисунок «Карта семьи», Реп-тест

и методика «Незаконченные предложения». В исследовании принимало участие 60 испытуемых, имеющих, помимо родительской, собственную семью.

Рисуночная методика позволила топографически определить структуру семьи, т.е. представить пространственный срез семейной системы. При этом мы исходили из того, что момент объективации группы и характер этой объективации являются чрезвычайно важным слагаемым семейной идентичности. Значимыми показателями горизонтальной составляющей семейной идентичности для нас явились два понятия: «связь», отражающая психологическое расстояние между членами семьи, и «иерархия», определяющая отношения доминантности–подчиненности. Третий индикатор, выявленный с помощью этой методики, репрезентировал вертикальную составляющую семейной идентичности и отражал наличие межпоколенных связей.

С помощью репертуарной решетки Рептеста, содержащей значимые семейные фигуры (всего 16 фигур), мы определяли основные конструкты, т.е. особые референтные оси, посредством которых человек упорядочивает свое психологическое пространство, конструирует его и интерпретирует значимых людей, полагая при этом, что большинство из конструктов фиксирует и отражает систему семейных ценностей, которые открыто одобряются, транслируются и культивируются.

Проективная методика «Незаконченное предложение» диагностировала семейные ценности в контексте дихотомии «реальность – идеальность», позволяя анализировать особенности функционирования семейной системы на актуальном и идеальном уровнях. Кроме того, учитывая, что идентичность всегда конструируется в отношении различий и через различие, мы ввели еще одну бинарную оппозицию – «свой – чужой», поскольку семейная идентичность подразумевает наличие ощущаемой особости, т.е. совокупности отличительных черт, признаков, социально-психологических характеристик, специфически присущих конкретной семье. Принимая во внимание, что семейная идентичность – это эмоциональное и когнитивное «Мы» данной семьи, связанное с самосознанием личности и характеризуемое различной степенью включения или противопоставления «Я» и «Мы», было проанализировано специфическое содержательное наполнение последней семантической категории в ка-

честве своеобразного индикатора осознания принадлежности к некой семье. Полученные результаты позволили условно дифференцировать всю совокупную выборку испытуемых на три группы.

I группу (20%) составили испытуемые, имеющие четко сформированную позитивную семейную идентичность. Указанный вид обнаруживается только в тех семьях, которые характеризуются гибкой иерархической структурой власти, четко сформированным семейным кодексом, сильным родительским союзом, неповрежденными трансгенерационными связями. При этом родительская власть предполагает не безусловное доминирование родителей над детьми, а признание их силы, обеспечивающее защищенность и безопасность для детей. Представители этой группы легко актуализируют чувство «Мы» через такие презентации, как «Мы – сила!», «Мы – единое целое». Более того, они указывают чужих конкретно, а не абстрактно, четко идентифицируя и опознавая их как отличных, иных, которых они не понимают и не принимают.

Во II группу (52%) были включены испытуемые с односторонне сформированной семейной идентичностью, в структуре которой отсутствовала вертикальная составляющая. Для них «Мы» – это конкретная семья, главным образом, собственная: «Мы – это я, муж и дочка», «Мы очень счастливы друг с другом», «Мы – добрые и открытые люди». Дифференциация структур принадлежности четко определена: «Чужие могут быть друзьями семьи», «Чужие – потенциальные знакомые».

В III группу вошло 28% совокупной выборки, у которых выявлялась диффузная семейная идентичность. Испытуемые этой группы, во-первых, не указывают трансгенерационных связей, во-вторых, при определении, кто такие «Мы», они либо затрудняются определить, либо рассматривают «Мы» как личное местоимение, заканчивая предложение таким образом: «Мы поссорились», «Мы гуляем в парке», «Мы ходим в гости». Дифференциация «свой – чужой» также достаточно специфична и размыта: «Чужие – это злые люди», «Чужие мне не нравятся».

Что касается референтных осей, выделенных с помощью Рептеста, то обращает на себя внимание индивидуальный разброс испытуемых внутри каждой группы: от большого количества и разнообразия выделенных

конструктов, свидетельствующих о когнитивной сложности испытуемых, от маркировки нюансов и тонкостей личности семейных фигур до однообразия и поверхностности конструктов, указывающих на простоту конструктной системы индивида и недифференцированное мнение о значимых других или о незначимости членов семейной системы.

Содержание и характер конструктов свидетельствуют о том, что испытуемые, включенные нами в первую группу, используют в качестве конструктов личностные качества и свойства – доброту, интеллект, свободу, уверенность, целеустремленность, общительность, терпеливость, толерантность, отзывчивость, – тогда как испытуемые из других групп выделяют в качестве конструктов, различающих семейные фигуры, несущественные, на наш взгляд, для такой дифференциации признаки, такие как пол, возраст, образование, особенности конституции, социальный статус, наличие детей. Связь различных фигур с конструктами и между собой также указывает на отличительные признаки I группы, для которой характерны большая открытость, коммуникабельность и наличие таких значимых в контексте данной работы конструктов, как уважение, взаимопонимание, взаимовыручка, эмоциональная привязанность.

Для решения второй исследовательской задачи использовался ряд незаконченных предложений, касающихся субъективных представлений о друге: «Друг – это тот, кто...», «Лучший друг – это тот, кто...», «Я хочу/не хочу, чтобы мой друг стал...». В исследовании приняли участие учащиеся 8–9-х классов в количестве 64 человек. Подростковый возраст был выбран не случайно. Известно, что именно в это время развитие связано с самопознанием, которое определяется не только осознанием себя, формированием Я-концепции и конструированием смыслов своего существования, но и рефлексией Другого, друга. В этом случае самопознание обусловлено возникновением особого характера отношений, складывающихся между людьми, – ценностных, дружеских, ядром которых является доверие, проявляющееся в уверенности, надежности, безопасности и предполагающее наличие одновременного восприятия себя и другого как ценности и как субъекта. Дружба между людьми представляет собой источник самопознания, предполагающий «выход за пределы эгоистического состояния самоудовлетворенности

ти. Друг – это носитель особого, значимого отношения к другому человеку – отношения самопознания»⁴.

Самыми распространенными ответами на вопрос «Друг – это тот, кто...» были те, которые отражали представления подростков о ключевых функциях друга. Они разделены нами на следующие блоки:

– помощь и поддержка: «не бросает в трудную минуту», «никогда не подводит», «выручает и помогает», «дает списать контрольную работу», «радуется успехам»;

– доверие: «предан и откровенен», «не предаст», «доверяет тебе свои секреты», «честен с тобой»;

– принятие: «принимает таким, какой я есть», «выслушивает без замечаний и наставлений», «любит», «всегда понимает», «дружит со мной просто так», «уважает тебя и радуется твоим успехам», «знает и понимает меня лучше всех»;

– схожесть интересов: «единомышленник», «имеет с тобой общие темы и интересы», «согласен с тобой в какой-то области интересов», «может весело проводить со мной время».

Следовательно, основными функциональными характеристиками друга для подростка являются обеспечение психологической безопасности через помогающие и поддерживающие практики и конструирование коммуникативного пространства на основе доверия, согласованности интересов и высокого уровня принятия со стороны партнера по общению⁵.

Обратим внимание на важный факт, выявленный нами в ходе анализа полученных результатов: практически все определения друга содержат характеристики, имеющие значение не для его идентификации, а для персонификации самости. Исключение составляют всего два определения – «друг – это человек с большой буквы» и «друг – это тот, кто уважает других людей», – которые, на наш взгляд, следует рассматривать как стереотипные суждения, содержащие скорее идеализированное, чем реальное представление о друге.

Сделанный вывод уточняется ответами на вопрос «Лучший друг – ...», в основном повторяющими ответы на предыдущий вопрос, поэтому мы акцентируем внимание только на тех из них, которые дополняют и конкретизируют понятие «Лучший друг». В нашем случае это ответы, подчеркивающие:

– исключительность: «может быть только один», «не боится сказать тебе правду в лицо», «по жизни идет с тобой рядом», «оказет любую помощь и бескорыстно», «большую часть времени проводит с тобой»;

– интимность: «кому можно доверять свои секреты», «разделяет со мной счастливые минуты»;

– готовность к самопожертвованию: «может пожертвовать многим для меня», «может пожертвовать собой ради тебя», «готов ради меня на все», «пойдет с тобой и в огонь, и в воду».

Анализ этих ответов показывает эксклюзивность фигуры лучшего друга, которая определяется не столько количественными характеристиками и режимами подкрепления (эмоционального, когнитивного, регулятивного), сколько качественными характеристиками – ему разрешается делать то, что для других непозволительно, именно с ним выстраиваются субъективно симметричные отношения, только он имеет доступ к сокровенному и интимному, но при этом исключительно ему атрибутируется определенная схема долгствования, связанная с готовностью пожертвовать своими интересами ради Друга. Полученные результаты указывают на то, что, характеризуя лучшего друга, подросток выстраивает некий возможный, вероятностный образ (фиксированный и традиционный для социальной группы), дающий ему уверенность в том, что при определенных обстоятельствах близкий друг будет вести себя именно так, а не иначе. В связи с этим представляют интерес ответы на вопрос «Я хочу/ не хочу, чтобы мой друг стал...», касающиеся осознания жизненной перспективы Друга. Все полученные ответы были проанализированы в формате четырех категорий: личностные качества, профессиональная и социальная роль, особенности взаимодействия.

Полученные данные свидетельствуют о том, что подростки хотят видеть своего друга «хорошим», «добрый», «искренним», «отзывчивым», «трудолюбивым человеком» и не хотят, чтобы он стал «жадным», «глупым», «замкнутым», «высокомерным эгоистом». Что касается ролевой определенности, то для подростков важны будущий социальный статус и социальное положение друга, при этом они ориентированы как на престижные профессии («спортсмен», «директор») и на материальный достаток («богатый», «обеспеченный человек»), так и на включение и

принятие определенной референтной группы («уважаемый», «влиятельный человек», «хороший семьянин»).

Очерчивая нежелательную перспективу, большинство испытуемых (85%) ответило, что они не хотят, чтобы их друг стал наркоманом, вором, убийцей и алкоголиком, т.е. входил в такую социальную группу, социальный статус которой либо низок, либо не одобряется обществом. Обращает на себя внимание то, что большинство испытуемых понимает тотальность деструктивного воздействия наркотиков и алкоголя, и не хочет, чтобы их близкие оказались в этой сложной и безвыходной ситуации.

Для нас особый интерес представляют ответы, касающиеся антиципации совместного будущего, т.е. связанные со спецификой потенциального взаимодействия с близким другом. При этом напомним, что содержание вопроса не предполагало инклузии себя в это потенциальное будущее, тем не менее таких ответов было получено достаточно много и их стилистика весьма своеобразна: «Я хочу, чтобы мой друг стал ...» – «помогал мне», «не забывал меня», «делил со мной победы», «остался другом», «жил со мной в одном городе», «принимал моих новых друзей»; «Я не хочу, чтобы мой друг стал ...» – «был далеко», «отдалился от меня», «бросил меня навсегда», «стал моим врагом».

На наш взгляд, указанные ответы подтверждают, что ролевая позиция «друг» всегда соотносится с самостью, неотделима от нее, составляет с ней единый гештальт. Описывая дружбу, подросток основывается не столько на опыте конкретных дружеских отношений, сколько на сформированном в процессе социализации и интернализованном образе Друга, раскрывая самого себя через Друга, позиционируя Друга как вариант «Другого внутри меня».

Таким образом, проведенный теоретический анализ и эмпирическое изучение субъективных представлений о пространстве «Мы», представленном семейными и дружескими отношениями, позволяют констатировать, что рефлексивная позиция «Мы» конструируется в зоне пересечении личных пространств «Я» и «Ты» и представляет собой единый гештальт, характеризуемый эмоциональными, когнитивными, ценностными, смысловыми и регулятивными компонентами и определяемый самостью, являющейся результатом достижения себя и Другого.

Примечания

¹ См.: Слободчиков В.И. Христианская психология в системе психологического знания // Психология. Журн. Вышшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 90–97.

² См.: Рягузова Е.В. Семейные линии идентичности // Проблемы психологической науки в XXI веке: материалы юбилейной междунар. науч.-практич. конф. Саратов, 2006. С. 132–134.

³ См.: Шутценбергер А. Синдром предков. М., 2005.

⁴ Аникина В.Г. «Другой» как рефлексивная позиция в самопознании человека // Личность и бытие: субъектный подход: Материалы науч. конф., посвященной 75-летию со дня рождения А.В. Брушлинского. М., 2008. С. 234.

⁵ Наши результаты полностью согласуются с исследованиями И.С. Коня, которые изложены им в фундаментальной работе (см.: Дружба. Этико-психологический этюд. М., 1989). Не ставя целью повторить эти результаты, мы пытаемся осмысливать фигуру «Другого», в данном случае друга, как вариант рефлексии себя.

УДК 316.6

И.А. КРАСИЛЬНИКОВ
Саратовский государственный университет
E-mail: igor.krasilnikov@mail.ru

Социально-психологические механизмы внутренних конфликтов личности

В статье рассматривается социально-психологическая модель внутренних конфликтов личности. Даётся описание конфликта на основании понятий «амбивалентная идентичность», «рассогласование в Я-концепции», «роль и экспекции». Указывается, что ролевая перегрузка личности неоднозначно связана с формированием внутреннего конфликта.

Ключевые слова: амбивалентная идентичность, личностно-ролевой конфликт, Я-концепция, экспекции, ролевая перегрузка.

I.A. KRASILNIKOV

Socially-Psychological Mechanics of Inside Conflicts of Person

This article is considered socially-psychological model of inside conflicts of person. Conflict is described on the basis of conceptions as «ambivalent identity», «not coordination into self-conception», «roller and expectations». We say that roller overload of person are connected not simply with forming introconflict.

Key words: ambivalent identity, personality-roller conflict, self-conception, expectations, roller overload.

Эффективность психотерапевтической практики во многом определяется тем, как психолог, психотерапевт понимает механизмы возникновения тех внутриличностных конфликтов, которые лежат в основе депрессии, тревог и страданий личности. Внутриличностные конфликты в психотерапевтическом консультировании являются главной мишенью для воздействия в консультационном процессе.

Социально-психологический подход предполагает рассмотрение личности в связи с ее включенностью в те или иные социальные группы. Вступая во взаимодействие с другими людьми, человек выполняет определенные роли, обладает статусом. Окружающие ожидают от лиц с определенной ролью тех или иных действий, т.е. имеют ролевые ожидания (экспекции). Социально-психологические свойства личности

позволяют ей играть определенные роли в обществе и занимать определенное положение в группе¹.

Индивидуальные особенности личности проявляются в своеобразии ролевого поведения, которое в социальной психологии рассматривается как функция двух основных переменных – социальной роли и Я. Успешность интериоризации требований к социальной роли зависит от Я-концепции личности². Однако А.Н. Леонтьев считает, что сводить личность только к совокупности ролей недопустимо³. Одним из вариантов описания внутренних конфликтов личности, затрагивающих деятельностьную сферу социальной жизни, является обобщенная модель «ролевых конфликтов». В ней используются представления о совокупности личностных ролей, между которыми могут возникать столкновения и противоречия.